

НАШ СОВРЕМЕННОК

ОСНОВАН А. М. ГОРЬКИМ В 1933 ГОДУ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

Главный редактор
С. В. ВИКУЛОВ

Редакционная
коллегия:

В. П. АСТАФЬЕВ,
В. И. БЕЛОВ,
Ю. В. БОНДАРЕВ,
Г. И. БУЗМАКОВ
(зав. отделом очерка
и публицистики),

И. А. ВАСИЛЬЕВ,
В. Ф. ГРАЧЕВ
(зав. отделом прозы),

А. И. КАЗИНЦЕВ
(заместитель главного
редактора),

Г. Г. КАСМИНИН
(зав. отделом поэзии),

А. Г. КУЗЬМИН,
С. М. ЛУКОНИН
(ответственный
секретарь),

И. И. ЛЯПИН,
Е. И. НОСОВ,

В. Г. РАСПУТИН,
В. М. СВИНИННИКОВ
(первый заместитель
главного редактора),

Г. В. СЕМЕНОВ,
Г. В. СЕРЕБРЯКОВ,
И. И. СТРЕЛКОВА,
П. П. ТАТАУРОВ
(зав. отделом критики),

О. А. ФОКИНА,
Л. А. ФРОЛОВ,
А. И. ХВАТОВ,
Н. Е. ШУНДИК.

3 · 1988

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА», МОСКВА

© «Наш современник» № 3 1988 г.

Борис ЛАПЧЕНКО

НЕ ОБОРОНЯТЬСЯ—НАСТУПАТЬ!

ВСТРЕТИТЬСЯ нам так и не удалось. Сколько мы ни приезжали с начальницей кабинета медпрофилактики Надеждой Ивановой Разиновой к Валентине, ни на работе, ни дома ее не оказывалось. Впрочем, с работы, из детского сада, она спешно уволилась, ушла, никого не предупредив, еще до объяснения с администрацией. А дома скорее всего пряталась при виде сотрудницы в милицейской форме.

Разинова могла вызвать Валентину повесткой. Но, собственно, во встрече не было большой необходимости. Разве что посмотреть этой женщине в глаза, пошевелить и доставки в медвытрезвитель. Знал имя, фамилию, отчество. Что ей тридцать три года. Сын — пятиклассник. Мать у него, по сути, единственный родной человек. Но жить по-человечески им негде. Ни квартиры, ни собственного угла мать не нашла. Ютится в стареньком домишке, купленном в городе престарелым отцом-селянином. Семья настоящей не сложилась. Сожительство с неким Геннадием. Сошлись на пьяном интересе. Он за последние несколько лет побывал в медицинском вытрезвителе двадцать три раза. Она — первый раз.

Задержали ее на улице в таком виде, о котором применительно к человеку, тем более к женщине, говорить стыдно. Из всех побуждений у нее оставалось только одно: «Везите меня к Геннадию...» О чем и кричала она служителям названного учреждения.

Определять Валентину на ночлег в вытрезвитель не стали, так как она была на третьем месяце беременности.

Зачем я рассказываю об этом, когда печаль, особенно местная, полна сообщений о связанных с пьянкой «случаях» куда более трагических. Вот всего лишь несколько сообщений под рубрикой «Короткой стро-

кой» из двух номеров областной газеты «Калининская правда» за 1987 год:

«29 августа в своей квартире после совместного распятия спиртных напитков В. В. Щурцева, продавщица магазина № 52 Калининского горпищеторга... нанесла три ножевых ранения в грудь мужу В. Е. Щурцеву, который скончался...»

«30 августа в г. Ржеве водитель Ржевской нефтебазы Н. В. Патрикеев, находясь в состоянии алкогольного опьянения, на автомашине «ВАЗ-2105» совершил наезд на пьяных пешеходов А. А. Савитского и Н. И. Косареву. Пострадавшие с тяжелыми травмами доставлены в больницу».

«9 сентября в поселке Великооктябрьский Фировского района пьяный водитель автомашины «ЗИЛ» районного объединения «Агропромхимия» И. Е. Падалка сбил двух пешеходов, шедших по обочине дороги... Пострадавшие скончались».

«10 сентября в д. Дудорово Торжокского района сгорел зерносушильный пункт колхоза имени Кирова. Огнем уничтожено 20 тонн овса, два сушильных агрегата, навес. Причина пожара — отсутствие контроля за режимом установок со стороны пьяного работника А. И. Фомина. Ущерб... 15 тысяч рублей».

Работая над заметками, я, кроме Калининской, побывал в Псковской и других областях. И там газеты, особенно районные, полны сообщений о подобных происшествиях, заканчивающихся гибелью людей либо материальным ущербом. «Калининская правда» в номере от 18 августа подытожила: «За семь месяцев этого (1987-го. — Б. Л.) года зарегистрировано 618 дорожно-транспортных происшествий. 105 человек погибли и 635 получили ранения...» В одной лишь области! По стране такого рода происшествия исчисляются десятками, сотнями тысяч. Основная их причина — пьянство.

Но как же так! На исходе третий год со дня вступления в силу одобренного партией и народом постановления ЦК КПСС

«О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма». Принят Указ. Есть новые решения партии и правительства о том, чтобы не ослаблять борьбу за трезвенность общества. И казалось бы, таких вот дичайших «пьяных случаев» уже не должно быть, а мы все еще подсчитываем многочисленные жертвы «зеленого змия».

Хуже того. Пьянство, оправившись от первого шока, поднимает голову. Число «пьяных» бед пополнило в гору, обнаруживая явную тенденцию снова сравняться с опаснейшей чертой, от которой мы начали было отдалаться после Указа.

— Нас вновь захлестывает волна преступлений и правонарушений, связанных с алкоголем, — сказал, выступая перед председателями комиссий по борьбе с пьянством, начальник медвытрезвителя в Торопце С. М. Буякова.

Цифры, которые он привел, не просто свидетельствуют — кричат. За девять месяцев года «по пьяным делам» привлечено к административной ответственности полторы тысячи человек. На учете в наркологическом кабинете 617 хронических алкоголиков, 28 направлены на принудительное лечение в ЛТП. А сколько неучетных? Медики на основании своих подсчетов утверждают: столько же, если не больше. И это — в районе с населением менее 35 тысяч человек!

Почти такое же соотношение — чуть больше, чуть меньше — в других районах. Даже в так называемых зонах трезвости трезвость чаще всего лишь показная, «отчетная». И там пьют. Женщины — наравне с мужчинами. Причем пьянство, спрятавшись было в дома, вновь выплывает на улицы. И даже — на предприятия. «За восемь месяцев тридцать пять человек нами взято в медвытрезвитель с рабочих мест». Это из того же доклада Буякова.

И опять если бы только в одном районе! Так почему же пьянство поднимает голову? Прошел шок? Пьяницы приспособились? Да, это — одна из причин.

Будем говорить честно: жесткие меры сразу после Указа — сокращение продажи спиртного в магазинах, штрафы и общественное порицание пьяниц — выявили круг неизлечимо пьющих, которым абсолютно безразличны все эти крутые меры. Они способны на все, лишь бы удовлетворить приобретенный в результате систематического употребления алкоголя ненасытный инстинкт пьянства. Пьют одеколон, шампуни, технические жидкости, содержащие спирт, — любую отраву, только бы пьянила. И никакие ЛТП им не помогают. Пройдя курс лечения, они держатся самое большее год. А чаще всего на первом же месяце срыв, и более жестокое, беспросветное пьянство.

Таких «вылечивает» только смерть. И с этими потерями, как это ни горько и ни тяжело, нам, наверное, придется смириться. Страшнее другое. Прежде чем дойти до последней черты, до последнего шага, они успевают вовлечь в пьянство молодежь.

В медвытрезвителе Торопца я выписал имена и фамилии тех, кто в тот день, ког-

да была задержана пьяной Валентина, угодил в это позорное заведение. Двенадцать человек (доставлено было больше, остальных просто не вместил вытрезвитель) за один только день 27 сентября. Вот те, кто попал впервые.

Виктор Филиппов. Тракторист районного объединения «Агропромхимия». 29 лет. Взят от родственников, с семейного скандала.

Николай Семенов. Тракторист совхоза «Краснополецкий». 25 лет. Задержан в райцентре, у кинотеатра «Родина».

Вячеслав Бернад. Грузчик литейно-механического завода. 32 года. Задержан на улице.

Василий Зуев. Монтер линейно-технического цеха связи № 62 города Великие Луки. 33 года. Задержан на улице.

Роман Ляпунов. Временно нигде не работает. 27 лет. Задержан на улице.

Александр Обухов. Слесарь хлебокомбината. 29 лет. Задержан на автобусной остановке.

Шестеро из двенадцати — новички. Молодые — семейные и еще не женатые, свое появление в общественных местах в непотребном виде, пьяные скандалы дома почти все они объяснили одинаково: «Выпил у друга...» Эти-то «друзья» — их «наставники» — в большинстве своем и есть те самые алкоголики, которым выпивка дороже собственной жизни. Но ведь и они когда-то начинали путь к медвытрезвителю, к алкоголизму с первой рюмки у «друзей».

Для многих наставницей пьянства стала и продолжает оставаться родная семья — старшие братья, сестры, отцы и даже... матери. И Валентина А. — фамилии не называю, чтобы не травмировать ее сына, — заплетающимся языком объяснила работникам медвытрезвителя: «Выпила... с отцом».

У меня не идет из памяти недавний случай с Михаилом С. Познакомились мы в Торопце, в кабинете следователя Олега Александровича Александрова. Михаил, будучи пьяным, жестоко избил мать, и по его «делу» велось следствие.

В «деле» Михаила поражал и озадачивал не только сам факт — поднять руку на самого близкого человека, женщину, которая тебя родила, дала тебе жизнь, — навели на раздумья и обстоятельства.

Михаил незадолго до этого случая вернулся из армии. Служил в Демократической Республике Афганистан. Выполнял интернациональный долг. Афганистан для наших воинов-интернационалистов стал школой осознания истинных человеческих ценностей. Рискуя собственной жизнью ради счастья дружественного народа, они возвращаются домой с чувством высокой ответственности за судьбы мира и Родины, с чувством неприятия всего фальшивого, что у нас еще есть.

Таким непримиримым к фальши вернулся и Михаил.

Здесь, у следователя, он сидел опустив голову.

— Да, я совершил преступление, — сло-

ва давался ему с трудом. — Но поймите меня. Я был не мать — был пьян... Я не пытаюсь оправдать себя. Хочу объяснить, чтобы другие знали, как это страшно, когда родители пьют. Страшнее, чем пули врага... Я не пил. Совсем не пил. Ненавижу пьяниц. А отец и мать понуждали... Когда уходил в армию, просил: «Не созывайте пьяного застолья. Проводите по-хорошему, по-трезвому». Нет. Нагнали самогона. Созвали всю деревню. Мне и попроситься с ними как следует не пришлось: перепились. А я ведь шел под пули. Мог погибнуть. Вернулся — опять пьяное застолье: «Ну как, сынок, не выпить на радость...» Думаете, они мне радовались — поводу выпить. Перетерпел. А тут приехал домой на выходные, — Михаил устроился работать на одно из предприятий в райцентре, — у родителей, как всегда, пьянка. Сажают за стол: «Выпей, сынок...» Пристали будто с ножом к горлу. Ну, я разозлился: «Ах, так! Вас ничем не пронять. Так вот вам!..» Осушил стакан залпом и озверел...

Он пинал мать ногами и кричал: «Вот тебе за то, что пьешь! Вот тебе твоя самогонка! Твоя водка!..»

Позже, в этом же кабинете, я разговаривал с его матерью. Худенькая, состарившаяся под грузом алкоголя женщина, она смотрела на нас со следователем открыто, не пряча взгляда:

— А как же, сынки, было не встренуть сына по-человечески. Мы ж ить не бедные, не какие-нибудь... И что люди скажут! Застольица сыну пожалели...

Тут-то мы, пожалуй, и подходим к ответу на главный вопрос: почему меры, принятые после мая 1985-го, пока не дают ожидаемых результатов, почему пьянство изворачивается, поднимает голову?

Суждений на этот счет много. Раздаются даже голоса, что мы-де переборщили с запретами, с ограничениями продажи спиртного. Надо, мол, вернуться к тому, как было до Указа, торговать «хотя бы винами» — что ли не во всех магазинах, на том, видите ли, основании, что «запретами мы ударили не столько по алкоголикам (они все равно пьют), а по умеренно пьющим», что «очереди за водкой — наш позор», и, вернувшись к свободной продаже спиртного, мы избежим позора, а заодно и некоего «ущемления (видимо, в том, чтобы стать алкоголиками) умеренно пьющих» или пьющих «по уважительному поводу». Они смогут брать спиртное, «не мыкаясь, не тратя время, нервы и здоровье в позорных и долгих очередях».

Слова, взятые мною в кавычки, из писем, что лежат на моем столе. Их авторы называют себя «пострадавшими от Указа», потому что они-де, по их словам, «пьют умеренно, как все нормальные люди», и отнюдь «не собираются становиться алкоголиками».

Оставляю утверждения авторов писем на их же совести. Алкоголики ведь тоже сначала были пьющими умеренно и по уважительным причинам, и никто из них не считал, не верил и не хотел верить, что будет крепчайшим «канатом» привязан к бутылке на всю оставшуюся жизнь, если можно наз-

вать жизнью пьяное прозябанье с интеллектом, низведенным до слепого инстинкта, направленного лишь на одну потребность — хлебнуть спиртного.

Когда пьющие защищают пьянство — это понятно. Хуже и тревожнее, если в оправдание питья и пьющих начинают выступать люди авторитетные, облеченные правами и обязанностями, ответственные за утверждение в стране трезвого образа жизни.

Публицист В. Ляшенко, думаю, вряд ли обнадеежил борцов за трезвость таким вот утверждением: «Пьянство — отчетливый сигнал общественного неблагополучия, своеобразная защита слабого человека и одновременно что-то вроде вызова обществу».

Правда, автор передовицы-диалога «О трезвости» («Советская Россия» от 16.08.87.) тотчас оговаривается: «...с другой стороны, такой человек (пьяница. — Б. Л.) уже не в силах бороться с причинами, породившими его слабость». И — «...не все в генезисе пьянства так просто и так уж социально обнажено. Правильнее, наверное, говорить о сумме причин и следствий...». Но в эту «сумму» публицист заносит и некий общественный протест.

Выходит, пьяница и алкоголик вовсе не пьяница, не «алкаш», как пренебрежительно зовут его в обиходе. Он не просто пьет — протестует против неблагополучия в обществе. Этакий борец за справедливость с бутылкой в руке. Демонстрант под забором. Узник вытрезвителя.

Пьянство не протест и не вызов обществу. Оно — распушенность. И если уж говорить о его связи со здоровьем общества, скорее — следствие, результат общественного неблагополучия, отношения государства и общества к питью.

Это подтверждает статистика. Она немолчала. Основываясь на справочниках «СССР в цифрах...», на данных академика В. М. Амосова, социолога И. А. Красносова и других объективных исследователей, академик, лауреат Ленинской премии Федор Григорьевич Углов в своей справедливо тревожной статье «Лядя правде в глаза» («Наш современник», 1987, № 7) приводит цифры: «...в 1983 году мы имели 17—18 литров чистого алкоголя на душу населения. Если учесть, что в ряде восточных республик алкогольные напитки распространены меньше, то окажется, что в славянских и прибалтийских республиках уровень душевого потребления алкоголя был выше 20-ти литров. Между тем, согласно социологическим данным, 25 литров душевого потребления — это та катастрофическая черта, за которой неминуемо следует полное вырождение нации, так как дефективных и умственно отсталых детей при таком положении рождается больше, чем здоровых. Судя по тому, что в период с 1965-го по 1980 год производство и потребление алкоголя росло в 37 раз быстрее, чем население страны, — мы к этой черте приближались с ужасающей быстротой». Такая вот удручающая картина «борьбы» пьяниц с социальной несправедливостью!

И далее: «Высокий уровень душевого потребления алкоголя приводит к резкому ухудшению демографических показателей,

в том числе рождаемости, прироста населения, смертности и продолжительности жизни»...

А дебилы, олигофрены — попросту дураки, которые рождаются от алкоголиков и пьяниц. Их куда отнесем? Тоже к «жертвам борьбы?»

Публицистам, которые между строк, а то и впрямую, вновь начинают защищать, оправдывать пьянство, я посоветовал бы побывать в школах для умственно отсталых, в специальных ПТУ и школах-интернатах, где воспитываются дети алкоголиков, посмотреть в их глаза, навечно опустошенные полубезумием, в глаза детей, которые никогда не станут мыслящими людьми, не испытают истинно человеческих радостей творчества, счастья полноценной жизни.

Раньше в небольшом районе, где я живу, не было таких школ. Теперь их две. Специальная в бывшем райцентровском поселке. И школа-интернат в районном центре.

И в обычных школах, как подтверждают учителя, до половины детей с замедленным умственным развитием по причине пьянства их родителей. Их что, тоже отнесем к жертвам «социального протеста?»

А какого ребенка подарит обществу Валентина А. (если только пожелает родить), на третьем месяце беременности попавшая в вытрезвитель? Нового Королева, Пушкина, Толстого? Вряд ли. Скорее всего дебила. И если и нормального, что очень сомнительно, то сможет ли она его воспитать, вырастет ли он полезным для общества человеком у матери-пьяницы?

Разыскивая Валентину, мы с младшим лейтенантом милиции Разиновой встретили четырнадцатилетнего подростка Владимира В. Грязный, обтрепанный, голодный, насторожившись, как загнанный в клетку зверек, он сидел в дежурной части.

— Задержан с поличным, — пояснил милиционер. — Обворовал торговый склад... Ведет себя замкнуто. Ни на какие вопросы не отвечает.

Мы все же разговорились. История Владимира оказалась сколь драматичной, столь же и обыденной для детей в пьющих семьях. Мать умерла «от пьянки». Отец по пьянке угодил в тюрьму. Владимир живет с бабушкой и теткой. Школу бросил. Проваливается воровством. Если ему не помочь, путь у него один — в специальное ПТУ. Чтобы читатель и публицист, защищающий пьянство, знали, что это такое, поясню: по существу колония для малолетних преступников. И таких, как Владимир, толкают туда родители, променявшие судьбу сынов и дочерей на водку, на пьяные утехы.

А тысячи и тысячи детей, лишенных нормального родительского воспитания в семьях разведенных. Разве мало у нас разводов на почве пьянства одного из супругов? А дети, зачатые по пьяным знакомствам и брошенные молодыми матерями в родильных домах!

Был ли публицист Ляшенко в домах для таких детей? Могу свидетельствовать: заходить туда больно. И не потому, что детям там обязательно плохо. Нет. Но они лишены главного, что нужно человеку в детст-

ве, — родительской заботы и ласки. Лишены семьи. И каждому незнакомому дяденьке, каждой тетеньке бросаюся на шею с криком: «Папа!..», «Мама!..» В их детских глазах, в еще не окрепших голо-сенках — взрослая боль одиночества.

Так что же, и эти горе-родители, и их обездоленные дети, для которых, может быть, большее счастье остаться нерожденными, жертвы не пьянства, а некой пьяной борьбы за справедливость? Вот ведь до какого кощунства можно договориться, если защищать, оправдывать пьяниц.

Наши уважаемые медики чуть ли не в один голос утверждают: алкоголизм — болезнь и «похмельное» влечение к спиртному равно самым сильным болевым ощущениям. Видимо, исходя из этого, мы строим ЛТП — лечебно-трудовые профилактории для алкоголиков. Оснащаем новейшим медицинским оборудованием, отдаем туда медицинские кадры, денежные средства. Разумеется, не без ущерба, а точнее — во многом за счет охраны детства, материнства, здоровья трезвого, непьющего населения.

Разве это справедливо по отношению к людям нормальным, непьющим, которые заболевают отнюдь не по причине пьянства? Разве справедливо, когда непьющий больной не может получить своевременную и высококвалифицированную медицинскую помощь из-за нехватки медоборудования, врачей и больничных коек, а хроническому алкоголику мы создаем все условия для его принудительного лечения?!

Да, алкоголик — человек больной. И алкоголизм — болезнь. Но... приобретенная человеком осознанно и добровольно, потакающим низменным инстинктам. Ведь и свою первую в жизни, и многие последующие рюмки будущей алкоголик осушает отнюдь не во имя общественной пользы — ради получения пьяных утех, взамен нормальных человеческих радостей, уступая собственному безволию и безответственности.

Так надо ли делать из такого алкоголика больного с привилегиями, тем более некоего борца, хотя бы и потому, что, как пишет Ляшенко, «не у всех у нас сильная воля?»

Что же, так и будем расписываться в своем бессилии перед безволевыми «борцами»-алкоголиками? Искать героические оправдания их безволию? Убаюкивать и пугать себя сложностями отрезвления, тем, что в борьбе с пьянством мы, как утверждает Ляшенко, «двигаемся по трудному и по сути неизведанному пути?»

Скептики и те, кто так или иначе против отрезвления, кричат: разве вы не видите, что самогонка сейчас с успехом восполняет ограничения государственной продажи спиртного. Самогонщики изощраются...

Восполняет или нет, судить не берусь. Тут нужны исследования. А что самогонщики и в городе, и в селе изощраются — правда. Но что же мешает нам их приструнить, обороть? Не наша ли мягкость и уступчивость?

По ленинскому декрету девятнадцатого

года тот, кто изготавливал самогон, подвергался тюремному заключению на 5 лет с конфискацией всего имущества. Сурово? Да. Но именно эта суровость и неотвратимость столь строгого наказания и останавливала самогонщика, не давая ему сорвать «сухой закон», помешать отрезвлению народа. А что делаем мы сейчас?

На Калининщине, в поселке Старая Торопа Западнодвинского района, довелось мне беседовать со здешним участковым, старшим лейтенантом милиции Н. И. Шевеленко.

К шести западнодвинцев, они выдержали ограничения в продаже спиртного, введенные после майского Указа 1985 года, торгуют вином и водкой далеко не каждый день и только в трех «точках» района — в райцентре, окраинном поселке Ильино и в Старой Торопе. А сам поселок, который раньше справедливо называли Пьяной Торопой, заметно отрезвел. Окончательно же отрезвет, особенно в дни, когда в магазине нет «казенной» водки, ему не дают самогончики.

— А что я могу с ними сделать? — спрашивал меня Шевеленко. — Сразу после Указа было так: накрыли кого с самогонкой — ему судимость. Теперь эту меру воздействия с первого «захода» отменили. Наверное, испугались, что очень много будет судимых. Сперва штрафуют. На первый раз — сто рублей. Потом — до трехсот. Нынче оштрафовали девятерых за самогонку, двоих — за брагу. А толку!.. Мы штрафуют, они над нами посмеиваются. Что им этот штраф, если литр самогона двадцать рублей и брага в цене... И не каждого поймашь. Они вон, самогонщики да перекупщики, теперь хитрые. К тому же на «Жигулях». А у меня, верите, даже плохонькой служебной машины нету. Пешеходом... И общественных помощников поубавилось. Раньше дружинники помогали. А как трехдневную надбавку к отпуску по выступлениям вашей же печати им отменили, они и ходить в рейды перестали. Тебе, говорят, платят — ты и дежурь. А нам — какой интерес!.. Вот так и боремся... Медвытрезвитель в райцентре нету, да и не ближний путь — почти семьдесят кеме... Вы уж передайте мою просьбу начальнику милиции в Торопце Анатолию Васильевичу Воробьеву. Он меня знает: учились вместе. Пусть свою спецмашину к нам хоть в дни торговли водкой присылает, полагает наших пьяниц. До Торопца тут близко...

Просьбу я передал. Анатолий Васильевич в ответ только улыбнулся:

— Сами знаете, нам своих пьющих пока не одолеть. Наступают...

Это же мне говорили на Псковщине, в городах и поселках соседних областей.

Такая вот ситуация: пьяницы наступают, мы отступаем.

Так, может быть, вместо того чтобы скрыто или явно оправдывать и поддерживать пьянство и пьяниц, все-таки будем искать причины, которые толкают нас к отступлению, будем их устранять?

Думается, главных причин две. Одна из них — нечем окончательно вытеснить водку из товарооборота. Говоря языком работников торговли, не хватает товарных

масс, чтобы без нее, «родимой», обеспечить возврат денег, кассовый план.

В тот день, когда беременную Валентину А. доставили в медвытрезвитель, заведение это в Торопце не случайно не смогло вместить всех его посетителей. В городе выбросили в продажу дешевые крепленые вина.

После Указа 1985 года райисполкомы Калининской и других областей приняли решения об упорядочении торговли спиртными напитками на территории своих районов. Предусматривалось резкое сокращение «пьяного оборота» и особенно продажи «красных» крепленых вин, метко окрещенных в народе «чернилами» и «бормотухой». Наряду с уменьшением их производства в районах всячески отказывались от продажи этих вин, придерживались от складах. Но, как подтвердила управляющая конторой Госбанка в Торопце Л. Б. Горшкова, обострилась проблема денежного обращения, сократился товарооборот, а с ним поступление денег в кассу:

— Сперва мы еще как-то выходили из положения за счет резерва денежных знаков. Теперь резерв кончился. Поступлений не прибавилось. Задерживаем зарплату на предприятиях...

Впреки бодрым заверениям иных экономистов в том, что с денежным оборотом у нас все в порядке, проблема — увы! — не местная — государственная. И она не ослабевает — обостряется. Под давлением кассового плана исполкомы и отступают от своих решений. Особенно в дни выдачи на предприятиях и в хозяйствах заработной платы.

Именно по этой причине отступили и в Торопце, дали команду реализовать вина.

Как раз в те дни бюро райкома партии заслушивало отчет городского торгова, и я буквально по следам райкомовцев, что готовили вопрос, пришел в торг выяснить, куда движется «пьяный оборот».

— За восемь месяцев, — развернула сводки главный бухгалтер, она же секретарь партийной организации торгова, Т. В. Поджарова, — продали на двенадцать с половиной тысяч декалитров меньше, чем за то же время прошлого года. Но... знали бы вы, какой ценой нам это снижение достается. Какую войну приходится выдерживать...

Войну (и с кем бы вы думали — с областным управлением торговли!) подтвердили документы. Один из них, например, за подписью заместителя начальника управления Л. А. Лазаревой от 19.08.87 года номер 04-31-1024 сообщил директору торгова в Торопце В. Г. Кузнецовой уточненные фонды на продовольственные товары. В перечне тех товаров среди дрожжей, кофе и прочего было хитро упрятано вино виноградное, 17 тысяч литров.

Алкоголь, справедливо отнесенный Всемирной организацией здравоохранения в разряд наркотиков, все еще числится по графе «продовольствие». Уточняем его поставки. Да если бы в сторону уменьшения. А то ведь и эти «уточненные» 17 тысяч литров — почти по литру на каждого торопчанина — дополнительно к запланированному ранее. И — на один квартал.

А уточнения идут и по другим кварталам.

Работники торгового дополнительного тонна «краснухи» отказываются. Но есть ведь еще план. Попробовали было попенять самому начальнику областного управления торговли Е. А. Круглову: «Не шлите нам «бормотухи», не травите людей...» Евгений Александрович начальственно обрезал: «Торопец — не зона трезвости. Как слали, так и будем сласть...»

И на райпо из области жмут. И даже на отделе рабочего снабжения.

— Планируют почти треть годового товарооборота за счет спиртного. А где мы его будем продавать? — спрашивали меня работники орсса здешнего леспромхоза. — Опять в рабочих столовых?

— Это по всей области, — подтвердила заведующая плановым отделом управления рабочего снабжения Министерства лесного хозяйства РСФСР в Калинин Г. А. Матвеева. — Подчиняемся Главорсу Минлесхоза. А планы по торговле доводит облисполком. Четверть годового товарооборота «закрывают» спиртным. Обращались в областную плановую комиссию: «Как же так?! Вытеснить надо из торговли спиртное, а не планировать». Отвечают: «Оно и так вытеснено. Нет больше в товарообороте «спиртной» графы. Есть показатель сбалансированности доходов населения. А чем вы их будете балансировать, не наше дело...»

Вот так! Чиновник от планирования во имя сбалансированности своего спокойствия и тут извернулся, графу выдал за жизнь. Теперь, согласно той «графке», уже не спиртное продаем, не пытаемся снова спаивать рабочий класс, а «балансируем» за счет водки его трудовые доходы. Но это же насмешка, издевательство и над рабочими, и над правительственными решениями.

Объявить любой город и район зоной трезвости и вообще прекратить продажу всяких вин и водки во власти народа. Во власти облисполкомов любой район в этом начинании поддерживать. Но тут-то, кроме прочих причин, мы и сталкиваемся прежде всего с давлением «кассы» — возврата денег через торговлю в банк.

Спиртное вроде бы изъято из плана товарооборота. Но из кассового плана «пьяный оборот» не изъят и его не изъять. Для этого надо насытить прилавки другими «товарными массами». А их не хватает. Причем самых ходовых. И положение не улучшается.

Я уж не говорю о стиральных машинах, пылесосах, холодильниках и других бытовых товарах, которые по странному стечению обстоятельств вообще стали исчезать из магазинов. Не говорю даже о легковых автомобилях. Тысячи покупателей годами стоят за ними в очередях. Да что там автомобили! Самого необходимого не стало! Прилавки вроде и не пустые, а, по грустному признанию потребителя, «купить нечего». Сам убедился в этом. Второй год иду в райцентровских и областных торговых предприятиях себе костюм и не могу найти. И вешалки в магазинах заполнены. И ткани добротные, по-проще ходовой когда-то «чертовой ко-

жи». И цены по теперешним временам сходные. А шито так, что выйти не в лес по дрова, а на люди стыдно.

Сперва думал, проблема сугубо местная, торопецкая. Ан нет! В Великих Луках — солидный город — открыли магазин «Все для мужчин». Уж тут-то, обнадеживаю себя, куплю что надо. Увы! Та же картина. В «шапочном» отделе одни ушанки для лесорубов и какие-то гибриды тюбетейки с капюшоном, «украшенные» хвостиками непонятного меха. В «сапожном» такая обувь, что не угадаешь, кто ее «тачал»: пирожник или сапожник с завязанными глазами? В «одежном» — преобладает покроя «а-ля сермяга», мрачные расцветки — «вечерний сумрак» и «ночная тьма».

Молоденькие продавщицы скучают без дела. Спрашиваю:

— Девушки, тут у вас, извините, отдел для глубоких старцев и похоронных бюро. А где же нормальному мужчине костюм выбрать?

Улыбаются:

— Шутите, дядя. У нас здесь все, что есть. Выбериайте...

И в областных центрах, и в столице прилавки пообеднели. С чего бы? Тоже недоумевал, пока такие же скучающие девочки-продавщицы, спасибо им, не объяснили:

— Чего вы хотител Закупку импорта сократили. А свое, отечественное, кто же будет покупать.. Топором кроено, драгвой шито...

Вот с этого-то и начинаются прорехи в кассовом плане. Шьем, производим, уцением. А барахло и уцененное не берут. Кому оно нужно. Да и «ширпотреба» стало не хватать. Попробуйте в райцентровских магазинах купить, скажем, электротюг, самовар, петли дверные, оконную замаску... Да что перечислять! И так знаем, чего нет. Каждый ведь, даже продавцы, — ходит в покупателях.

И местная промышленность не спешит буксующему товарообороту помочь. На пленуме обкома в Калинин первый секретарь Н. Ф. Татарчук — доклад опубликован в «Калининской правде» от 19 сентября 1987 года — назвал цифры: «На 3,6 миллиона рублей не выполнено задание по производству товаров культурно-бытового и хозяйственного назначения... Продано товаров меньше плана на 112 миллионов рублей... По сравнению с соответствующим периодом прошлого года объем розничного товарооборота снизился на 7,2 процента... За истекшие восемь месяцев населению оказано бытовых услуг меньше, чем планировалось, на 504 тысячи рублей...»

Здесь-то и прореха. Сложим, или, как говорят экономисты, суммируем эти цифры. Местная промышленность и бытовика области недодали населению товаров и услуг на 4 с лишним миллиона рублей, торговля — на 112 миллионов. И это всего лишь за восемь месяцев.

Сам факт обсуждения проблем такого рода на уровне обкома партии не нов. Но как восполнить недоданное? Нужна организаторская работа, умная политика цен, способная заинтересовать и производителей, и торговлю, и покупателей, —

подлинная перестройка. А это — дело трудное, хлопотное. Куда проще и легче восполнить недобор товарных масс... спиртных.

Во имя этого и начинаются поиски путей, как объявить вино продуктом питания, зло — добром, поддержать денежный оборот за счет пьющих, не называя это своим именем.

Ситуация складывается весьма любопытная, если не сказать странная. На словах мы все вроде бы за выполнение майского решения. И производство алкоголя в стране после антиалкогольного указа сократилось. А дальше что? Есть ли у нас твердая политика, знаем ли мы, на сколько будем сокращать ежегодно и когда вообще прекратим выпуск винно-водочных изделий?

В Вьесьгонске директор местного винзавода Раиса Игнатьевна Максимкина назвала такие цифры. В 1985 году заводу был план 1 миллион 200 тысяч декалитров вина. В 1987-м — 600 тысяч. Будет выпущено 400. Сокращение солидное, в три раза. Ну а чем завод восполнит убыль кассового сбора в торговле и свой денежный оборот? Вот тут-то у Раисы Игнатьевны ясных перспектив и нет.

— Пытались мы выпустить блинную муку и кисели — нет машин. Мы же разливаем, а не рассыпаем... Закупили оборудование для безалкогольных напитков. Но... по цене они в сравнении с винами, знаете, мизер...

«Мизером»-то производственники заниматься и не хотят. Куда как выгоднее и проще не «рассыпать», а —«разливать», выпускать то, что дорого и нетрудоемко, — вино, водку.

За выяснением перспектив Вьесьгонского винзавода Максимкина адресовала меня в Калинин:

— Обратитесь в областное спиртобъединение.

Оказалось, такого в области нет. Ликвидировали за ненадобностью?

— Преобразовали в «Калининпищажропром», — скромно опустил глаза исполняющий обязанности генерального директора этого «прома» Юрий Гаврилович Ткачев. — Отдали нам, за исключением непосредственно калининских, городские и районные пищекомбинаты... — И тут же назвал ряд проблем, которые его кровно заботят: — Знаете, у нас все заводы разбросаны по области, даже по ее окраинам. Пивоваренные — в Осташкове и Ржеве. Ликеро-водочные — в Кашине и Торопце. Вьесьгонский винный — тоже на самом краю, под Вологодчиной. А в областном центре — никакого головного предприятия. Хорошо бы заполнить Калининский винкомбинат — филиал Мытищинского комбината Молдвинпрома. А то он выпускает вина у нас, а деньги идут в Молдавию... Ставим вопрос — никто не решает... Нашему объединению на 1987 год был заказ торговли, он же план, на один миллион пятьсот десять тысяч декалитров вина и водки. «Росоптпродторг» — отдел Министерства торговли РСФСР — для пополнения кассового оборота запланировал на двести двадцать тысяч декалитров больше. А наш непосредственный руководя-

щий орган оолагропром требует не превышать первоначального заказа. Мы его выполним к первому ноября. А дальше что? Останавливать заводы?... И торговля нас подводит. Нормальные виноградные вина дешевле чем по три с полтиной не берет. Под видом невыгодности считает их «бормотухой». Парадокс получается. В Вьесьгонске свой завод, а за такими же, как он выпускает, винами вьесьгонцы через пол-области ездят в Углич, на Ярославщину...

Вот так. Винные и водочные заводы прячем под вывеску «Пищажропрома». Камуфлируем, маскируем. Будто и нету их, а есть предприятия пищевой промышленности, изготавлиющие хлеб насущный.

В Торопце на бюро райкома начальник торгова Кузнецова справедливо сетовала:

— Принков не стало. Перестали выпустать...

Исполняющего обязанности генерального директора и работников областного «Пищажропрома» кровно заботит главная для них проблема — как заполучить в Калининне винкомбинат и почему торговля не берет дешевые виноградные вина?

Она-то правильно делает, что не берет. Да предприятия «Пищажропрома» навязывают. В том же Торопецком торге пять с лишним миллионов рублей, почти 32 процента годового товарооборота, — плановые водка и вина. Чтобы за счет стоимости уменьшить потребление в литрах, торопчане запросили в Вьесьгонске коньяк. Поставщик, вьесьгонский винзавод, «в лице зам. директора тов. Соколовой Л. Н.», ссылаясь на план и разнарядку, коньяка торопчанам выделил «мизер», зато в договор № 40 от 14 мая 1987 года написал строку: «поставка коньяка одновременно с поставкой виноградного вина». И гонит это вино уже «по договору». Ему изрядно помогает и молдвинпромковский филиал в Калининне.

За день до того, как руководителей Торопецкого торгова заслушали на бюро райкома, я смотрел эти вина на торговском складе. Девять тысяч бутылок «Аиста» и почти четыре тысячи «Изабеллы» и «Буджак». Не бутылки — «бомбы» по 0,7 литра. С гордой саморекламой на красочных этикетках: «выработано по оригинальной технологии», «изготовлено из отборного винограда сортов «Изабелла» и «ноа», выращенных в кодровой зоне Молдавии».

Как не соблазниться столь фирменной продукцией! Тут и непьющий не устоит. Да и торговле устоять трудно.

Старший кладовщик Валентина Михайловна Кожеурова достала из первого же ящика бутылку с обгрызенной пробкой:

— Мы это вино, чтобы не спавать людей, придерживаем. А оно вон киснет, начинает бродить. Мыши пробки обгрызают. А мне что прикажете делать? Оно же за мной числится. Я — материально ответственное лицо...

Кожеурову выручило разрешение райисполкома выбросить запасы «краснухи» в продажу ради подкрепления кассового оборота. Торг выставил на прилавок винного магазина все, что было в заначке, почти 13 тысяч бутылок. Раскупили их в

три дня. Эту-то выручку и пустили на выплату заработка рабочим. Прореху в кассовом плане вроде бы залатали. А чем это обернулось? Переполненным вытрезвительем. Авариями на дорогах. Одна из них случилась прямо в городе, на центральной улице. Пьяный водитель «Жигулей» врезался в грузовик, за рулем которого тоже был шофер, ослепленный продажей «бормотуш».

Бутылки-«бомбы» с «Изабеллой», «Аистом» и «Буджаком» взорвались пьяными скандалами в семьях, потерями на рабочих местах. «Краснуху» выбросили под выходные, но после субботнего и воскресного пиятия понедельник для иных оказался лишь днем выхода, а то и невыхода на работу.

С одним из пострадавших в «бормотушные» дни, водителем грузовика, я беседовал в райотделе милиции. Он получил 15 суток ареста за пьяный дебош в семье. И вместо работы на своем предприятии «кальвал» на чернозём «подсобке», куда пошлют.

Прогоулы, дебоши, аварии, человеческие жертвы и материальные потери — таков неизбежный итог «подкрепления кассы» с помощью водки и любых вин, в том числе и «нормальных виноградных».

Я говорил об этом на бюро райкома в Торопце. Члены бюро слушали понурив головы. Они и сами понимали: вино — зло. Но... на них со страшной силой давил все тот же кассовый план.

О кассовом плане мне говорили на Псковщине, в соседней с Торопцом Западной Двиной на Калининщине, в других областях. И там до трети товарооборота еще держит на себе спиртное.

И Ткачев, исполняющий обязанности генерального директора «Калининпищагропрома», надеясь заполучить в свое распоряжение молдавнинский комбинат, тоже ратовал за кассовый план, за денежный оборот. И в «Росоптпродторге», спуская калининцам не очень-то гласное и не столь тайное задание на 1 миллион 730 тысяч декалитров спиртного, вместо 1 миллиона 510 тысяч, заказанных торговлей, тоже действовали во имя пополнения кассового оборота. Но сделали ли в этих ведомствах что-нибудь, чтобы скорее вытеснить винный оборот безалкогольным? Чтобы, скажем, выращенный в Молдавии виноград появился на столах калининских, псковских, новгородских и прочих покупателей средней и северной России не в виде бутылки с «нормальными виноградными винами», а — сочными, свежими гроздьями винограда, тубиками виноградной пасты, мармеладами, банками виноградного сока. Позаботились ли об этом? Очень мало.

Мармелад почему-то стал дефицитнее красной икры. Соки и в Торопце, и в тех городах и поселках, не говоря уж о селах, соседних районов и областей, где я побывал, тоже в дефиците. Зато есть «крепленое» в бутылках, которое райисполкомы придерживают к дням выдачи зарплат как оборотную «валюту».

А что сделали в «Росоптпродторге» и, скажем, в «Пищагропроме» того же Ка-

линина, чтобы вошедшие в него вино-водочные предприятия хотя бы со временем стали истинно пищевыми?

Максимкина в Весегодонске, как мы знаем, закупила оборудование для розлива соков. На нем, однако, можно разливать и вина. Была бы команда. А ее диктует касса. Но ведь и блинная мука, и кисели, от которых Максимкина стремится избавиться по той причине, что «завод разливает, а не рассыпает», тоже может стать «валютой» в кассовом обороте.

Кузнецова, начальник торгова в Торопце, говорила на бюро райкома:

— С переходом на самофинансирование предприятиям торговли разрешили закуп товаров в любых областях и регионах страны. Деньги есть. Но... какое же торговое учреждение, уважающее себя и своих покупателей, будет продавать ходовой товар «на сторону». С нас требуют обмена дефицита на дефицит. А что мы можем предложить!.. Поехали в Белоруссию. Там больше промышленных изделий. А нам говорят: «У вас раньше прянники хорошие пекли. Везите на обмен...» Но прянники-то наши пищевики и перестают выпускать. По каким причинам, непонятно...

Чего уж тут непонятного! «Буджак» в бутылках проще и весомее для кассового плана. Ситуация стара, как само питье хмельного. Но закрывая прорехи в денежном обороте с помощью спиртного, мы вновь замыкаем прежний порочный питейный «круг». И разомкнуть его нам будет нечем. Рабочий, у которого с похмелья трясутся руки и «не варит котелок», а все мысли направлены на опохомелку, не даст ни количества, ни качества товаров, не насытит рынок тем, что можно быстро и выгодно продать за деньги. А злоупотребляющих питием, точнее, алкоголиков, у нас, по данным социологических исследований, в 1983 году было 36,7 процента — каждый третий работник. Пьющих — 99,4 процента среди мужчин, 97,7 — среди женщин, 95 — среди юношей и девушек — работников и работниц будущего.

Эти катастрофически тревожные данные, что приводит в названной выше статье академик Углов, изменились в сторону уменьшения пока не настолько, чтобы успокаиваться. Озабоченность и тревогу академика разделяет и наш видный социолог Бестужев-Лада (Неделя, 1987, № 32—35), называя алкоголь чумой двадцатого века: «120—150 миллиардов рублей в год прямых убытков (не считая косвенных). Это — при 400 миллиардах рублей доходов государственного бюджета... Вот какую чудовищную дань берет с нашего общества алкоголь».

Столь большую цифру социолог выводит на основании «коэффициента убыточности» питейных сборов, полученного путем исследований в различных регионах страны. Коэффициент этот составляет от полутора до трех, а по данным некоторых ученых — и до четырех «единиц». То есть каждый рубль спиртного, «пьяного» дохода, приносит государству 1,5 — 4 рубля прямых убытков.

К таким убыткам объективные исследователи справедливо относят смерть и уве-

чья работником «по пьянке», расходы на лечение алкоголиков, которые у нас почему-то все еще идут по графе «медицинское обслуживание населения», аварии на транспорте и предприятиях, пожары, поломки оборудования, прогулы, производственный брак и другие материальные потери от пьянки.

«Подсчитано, — пишет Бестужев-Лада, — что каждый пьяница за год наносит ущерба производству не менее чем на полторы тысячи рублей... Миллиарды и миллиарды ежегодных потерь».

Насчет отступлений во имя кассового плана все ясно. Перестройка еще не отменяла руководителей-временщиков, живущих одним днем. Им все равно, чем обещать, возврат денег в банк. Водкой так водкой. Лишь бы заткнуть прореху, создать видимость благополучия.

Углов видит одну из причин такого безответственного манипулирования алкогольной «валютой» в том, что это делают руководители, «не знакомые с экономическими законами общества». Вряд ли. Полных профанов у нас все-таки не так уж много. И Митрофанушка ведь в свое время чему-то учился.

Скорее соглашусь с академиком в другом: люди эти «чуждые нашему строю». Спаивая, они разлагают народ, а с ним и строй, во имя собственного благополучия, чтобы удержаться хоть в крохотном, но уютном креслице, на руководящей должности, при начальственном положении и окладе. И никакие ссылки на то, что делают они это по незнанию, по собственному политическому и экономическому невежеству или под давлением обстоятельств (зарплату нечем трудящимся платить), их не оправдывают. Они договариваются даже до того, что выбрасывают в продажу водку «во имя народа и по его просьбе». Слышать в народе лишь пьяные голоса им выгодно. Пьяным легче управлять, проще удовлетворять его нужды и запросы. Выдал ему бутылку, как плачущему ребенку соску, он и молчит. Пьяница не заметит ни барства, ни бюрократизма, ни лжи, ни чиновничества, ни руководящих «ошибок и промахов». Ему на все наплевать. Была бы водка. Водка есть — и он доволен.

То же с деньгами. Не выдай народу зарплату вовремя — роптать станет, спросит: «Почему!..» Начнет докапываться до причин. Увидит, что недоработали в райкоме, райисполкоме и повыше. А выдай да еще подбрось к этому времени водочки и винца, чтоб было что купить, глядишь, еще и похвалит: какие хорошие у нас начальники, о людях заботятся! Вот вам и ореол народолобца с бутылкой.

Корысть — вот что движет такими руководителями. И опасна она не только потому, что вновь загоняет на «пьяный круг» нашу экономику. Их стараниями (и, надо признать, им это удалось) в народе долгие годы насаждались, культивировались пьяные традиции, победить которые невозможно, не вытеснив алкогольного товарооборота из экономики.

Публицист Ляшенко пишет: «Мы почувствовали действительно «сопротивление материала» и убедилась — пьянство шапками не закидаешь... необходимы самые

разные направления в рамках единой стратегии управления».

Верно. Стратегия нужна. Однако помогут ли нам отрезветь любые ее «направления», если в магазинах, пусть и с очередями, будет продаваться сорока- и менее градусная?

Будем уговаривать пьющего: «Не пей! Это вредно для здоровья...»? Пугать его циррозом печени, «сморщенным мозгом» и прочими медицинскими страхами? Пугали. И пугаем. А он нам в ответ: «Так государство же у нас призвано заботиться о здоровье трудящихся. А оно водкой торгует. Значит, пить не вредно...»

Будем отвлекать пьяниц от спиртного «трезвым досугом»? Пытаемся. Они не отвлекаются. Чтобы отдыхать «по-трезвому», надо что-то уметь — проявить себя, свой талант, способности. Их надо развивать. А это трудно. Проще «балдеть под мухой». Выпил — и ты уже «весел».

Нам надо понять простую истину: пока в государственной торговле есть спиртное, будет и соблазн латать прорехи в денежном обороте за счет питейных сборов. А торговля винами и водкой, вопреки любым «стратегическим» и «тактическим» направлениям борьбы с пьянством, будет поддерживать спрос на нее, подогревать в народе пьяные традиции, которые и оборачиваются тем, что публицист Ляшенко справедливо называет «сопротивлением материала».

Это сопротивление мы почувствовали не сейчас — сразу после Указа 1985 года. В те дни мне довелось быть в одном достаточно крепком совхозе на партийном собрании. Принимали в партию молодого механизатора. Парень из армии, самостоятельный, работящий. Секретарь парткома задает вопрос:

— А к водке как относишься, Саша?

— Не пью.

И тутчас с места голоса:

— Ну-у-у... Совсем без нее нельзя...

Незадолго до собрания в одной из деревень совхоза сын-дебил сжег двухквартирный рубленый дом. Чудом спаслась молодая семья, что жила через стенку, и мать виновника. Отец, будучи пьяным, сгорел.

Я был на пепелище. С директором совхоза мы приехали туда утром. Горело ночью, и директор сам участвовал в тушении пожара. Хозяина квартиры только что, перед нашим приездом, нашли под головешками. И сам он превратился в головешку. Мне же, кроме этой жуткой картины, врезались в память слова одной женщины: «Ну вот, Василий, допила. Водка отобрала ум у твоего сына. А теперь сожгла и дом, и тебя...» Это была горькая и страшная правда. Но и после столь дикого случая в совхозе нашлись защитники «водочки» даже среди коммунистов.

Тогда мы обнадежили себя: «Все равно победим!..» А «сопротивление материала» не слабело. И причиной тому было наше же двойственное отношение к борьбе. Одной рукой мы боролись с пьянством, ограничивали продажу водки, другой у себя за спиной, во имя кассового оборота и собственного благополучия, под-

брасывали на прилавок спиртное, потакали быльями, соблазняли трезвыми.

По пути на Псковщину я завернул в село Пятницкое — центральную усадьбу колхоза «Путь к коммунизму», что в Торопецком районе, на самой окраине Калининской области. Завернул не случайно. Чуть больше года назад мне довелось быть здесь на партийном собрании. Заинтересовала повестка дня. Разговор предполагался о нравственном воспитании колхозников. И по некоей закономерности здесь до собрания тоже произошел случай, взбудораживший весь район. Мне о нем рассказала одна из жительниц Торопца:

— Вы знали Малечкиных? Он председательствовал в Костине. Тридцатитысячник. В пятьдесят шестом году приехал по направлению обкома из Великих Лук, принял колхоз имени Сталина, теперь бригада колхоза «Путь к коммунизму».

— Да. Малечкина я знал.

— А знаете, как погибла его сестра, старейший член партии, активистка Надежда Федоровна?.. Замерзла почти посреди деревни. Возвращалась вечером с автобуса. Оскользнулась на тропке. Упала в яму с водой. Выбраться не смогла. Звала на помощь. Люди слышали. Никто не вышел, не спас...

Этот случай и привел меня тогда в Пятницкое, к секретарю парткома колхоза Виноградовой.

— Все так, — подтвердила Надежда Ивановна. — И активисткой она была каких поискать. Семьдесят пять лет, а выступала — заслушаешься. В прошлую зиму на партийном собрании делалась опытом, как они раньше с молодежью работали... Мы ей в дом престарелых предлагали, когда брат умер. Не согласилась. «Как это я из своей деревни, из своей парторганизации!..» Она ведь, знаете, в тот день из больницы сбежала. В Костино домой ехала... Одного не пойму, как же люди-то!.. Недальняя жительница Богданова помощнику прокурора заявила: слышали, мол, с соседкой Яковлевой, звала, кричала: «Помогите!..» И не вышли, не откликнулись...

С Надеждой Ивановной мы побывали в Костине. Деревня небольшая, но по здешним меркам и не маленькая — два десятка дворов. И не в глуши. С асфальтного большака, неподалеку от Пятницкого, сворот на новый, насыпной проселок, и почти сразу — околнца. Возле крайних домов — развилки. В полсотне шагов, на взгорке, две заросшие брединой и рахитичной ольхой неглубокие ямы с ледяной коркой на дне.

— Вот здесь это и случилось. — Надежда Ивановна направилась к ямам. — Тогда как раз подмерзать начинало. Минус два ночью. А старому человеку много ль надо. Упала в воду, потом — мороз. Тут и нашли, под кустами бредины. Вон и вещи ее...

Во льду, еще прозрачном, не покрытом снегом, виднелись перчатки, носовой платок.

— А вот там Яковлевы живут. Рядом —

Богдановы, — Надежда Ивановна показала рукой на развилку. — Хозяйки этих домов и слышали, как она звала... Обе нестарые, с мужьями. Сами не пошли — мужиков бы своих на ноги подняли. Так нет. И не подумали!.. Этого и не пойму...

Яковлева встретила нас категоричным: — Ах, вы о Малечкиной!.. Не слыхала я ее...

— Да как же не слышать! Я ж к ней, к Яковлевой, — Богданова откровенной соседки, — как раз в тот вечер с фонариком и шла. Слышу, вроде какая-то женщина зовет от ям. Кричит: «Спасите!.. Помогите!..» Сперва громко так звала. Потом хрипато и все глуше, невнятное... Я Нинке-то Яковлевой и скажи: чего-то, мол, там неладное... Ну, обе подумали: Женька Заяц женку спяну гоняет. И не пошли. Чего в чужие дела лезть. Покричат на пьяное дело. Побранятся. С кем не бывает...

— А ты, Владимир, — Виноградова повернулась к хозяйку дома, — когда мы попросили тебя помочь поднять мертвую на машину, чего ж отказался?

— Не мог я. Пьяный был. Сами ж видели...

Глаза хозяина смотрели открыто, без волнения, словно он посторонний и непричастен к случившемуся.

— Случай этот знаете сколько высветил!.. Ведь отвести погибшую в морг пришлось столько упрашивать! — возмущалась на обратном пути из Костина Виноградова. — День воскресный. Пошла к шоферу Виктору Филиппову: «Помоги. Съезди...» Он: «Не повезу. Я выпил. Из-за покойницы не хочу прав лишаться...» Понимаете? Выпил он. А прав лишаться не хочет из-за покойницы... Ну, с пьяным чего толковать... Уж побегала!.. К кому ни приду — все причина... Только утром на следующий день и отвезли... Яковлева-то Геннадий в Костине, к жене которого мы сейчас заходили, знаете как поступил!.. У них дома телефон. Позвонила ему из Пятницкого. Думаю, съездит с шофером помочь. Так дочка его отвечает: «Отца нету...» А в трубку слышу: «Вот кому кольца и броши задешево продала, тот пусть и везет...» Это, значит, о покойнице. Были у нее кое-какие драгоценности. Кто-то в деревне купил по дешевке. А Яковлев, видите ли, обиделся: почему не мне продала, не моей семье. И ведь с партийным билетом человек. К тому же депутат сельского Совета. Да-а-а!.. Через водку, думаю, люди очерствели. Пьянство, порожденное бездуховностью, в свою очередь делает людей еще черствее душой. Создается замкнутый круг. В пьяную голову всякая дурь лезет: злость, зависть... Водка их чужими друг другу сделала. Привычка к пьяным скандалам у себя дома, у соседей... Ничего! — Надежда Ивановна оживилась. — Мы как раз планировали партийное собрание с повесткой «О состоянии и повышении работы по нравственному воспитанию колхозников». Обсудим и случай в Костине. Спросим с кого надо. Дадим оценку...

На собрании — приехали мы с секретарем райкома партии Англиной Александровной Светловой — я не узнал Виноградова. Куда делась ее решительность, искренность, до слез возмущение и негодование. Мысль секретаря парткома привычно скользила по привычной схеме. Вялый, стандартный доклад с неким обоснованием необходимости (да кто же не знает, что оно необходимо!) и важности воспитания нравственности, приправленный цифрами хозяйственных результатов, призывами совершенствовать воспитательную работу с колхозниками. И лишь в конце короткое, почти без имен и фамилий, сообщение о случившемся в Костине.

Я недоумевал: что же это? Неумение выступать? Нежелание говорить правду в глаза? Робость? Нет, не произвела Надежда Ивановна впечатления человека робкого. Тут было другое. Что?

Ответ мы со Светловой увидели здесь же, в Пятницком. Пока шло это интересное по замыслу, открытое партийное собрание, на которое, однако, даже коммунисты пришли далеко не все, за окнами председательского кабинета, в котором мы заседали, колхозники, совсем не крадучись, спешили к деревянному дому на окраине, где недавно, под скромной вывеской «Пункт приема стеклотары», был открыт специализированный водочный магазин райпотребсоюза.

На собрании об этом с возмущением говорил председатель колхоза Дмитриев: — Безобразие! Открыли торговлю водкой. И где! Возле самых ремонтных мастерских, на виду у механизаторов. Да еще на пути к животноводческому комплексу. Кого соблазняет сорокаградусной!.. Доярки с полочки зашли в магазин, а вечером на дойку пришли уже не все. Половина коров осталась недоена. За один удой недобрали на комплексе почти центнер молока...

И бригадир Березин возмущался: — Людей терям... Я, пока председателя на время отпуска замещал, собрал жилищную комиссию. Прошли в Пятницком по нашим многоквартирным. Что же у них там творится! Стекла повывиты, двери покалечены, в комнатах грязь. И все — от пьянки... А детям каково в таких семьях!.. У доярки Раисы Федоровой двое маленьких. Старшему — два, младшему — год. А она с матерью, тоже дояркой, Пчелкиной, опять за пьянство. Дома холод. Дети некормлены... Так будет продолжаться, придется ставить вопрос, чтоб лишили Раису материнских прав. А мы ее к этому, выходит, подталкиваем...

И после собрания нас со Светловой плотно окружили женщины.

— Ради всего доброго, помогите закрыть винный магазин. Беда!..

— Опять житья не стало. Куда же мы идем? К чему возвращаемся!

Возле магазина, в старинном липовом парке, рядом с мастерскими колхоза, табунились личные и служебные «Жигули» и «Москвичи», автофургоны и автобусы со своими, калининскими номерами и

даже из Великих Лук, Куньи, Жижицы и других не очень-то ближних городов и поселков соседней Псковщины, где с водкой было строго.

В магазине воровчалась густая очередь. Продавщица И. В. Кушнарченко проворно и щедро выставляла на прилавок сорокаградусную всем, кто пожелает и сколько может купить. Даже — женщинам с детьми.

За несколько часов, пока коммунисты и руководители колхоза рассуждали на собрании о пользе и необходимости нравственного воспитания, те, о ком шла речь, кого намеревались воспитывать, раскупили, разнесли и развезли из магазина под старыми лицами пятьсот бутылок водки. Полтысячи карманных «бомб», начиненных зельем против нравственности. Однако ни руководители хозяйства, ни работники сельского Совета, при всей их горячей заинтересованности в утверждении трезвости на словах, на деле отнюдь не обнаружили истинного желания если не прикрыть, то хотя бы отрегулировать, ограничить торговлю водкой.

— Пытались, — пояснила председатель сельсовета Ольга Ивановна Павлова. — После майского Указа винный магазин в Пятницком вообще закрыли. А открыли... по просьбе депутатов.

В райисполкоме я познакомился с протоколом сессии, которая «открывала» магазин под липами. Работники сельсовета не кривили душой. Водочный магазин в Пятницком был открыт действительно по предложениям депутатов. На сессии за торговлю водкой проголосовал депутат Березин. Да-да. Тот самый, к тому же член бюро райкома партии, Николай Владимирович Березин, что на партийном собрании искренне возмущался черствостью и глухотой к чужой беде жителей Костина, ярко и убедительно выступал против пьянства. И ведь не только выступал. Комиссию собрал. Прошел по домам. Еще раз увидел, к чему ведет возврат к неограниченной продаже водки. Но и после своего убедительнейшего выступления против пьянства он сказал нам с секретарем райкома: «Надо ли закрывать магазин из-за нескольких пьяниц, если народ просил открыть...» И председатель сельсовета Павлова нашла оправдание неограниченной торговле водкой: «Мы не препятствуем. Пусть скорей раскупят...» И намекнула на некое соизволение и даже указание из райцентра: оборота денег, мол, нет, просили ускорить.

И здесь звучало знакомое оправдание. Но... не только и не столько денежный оборот (его ведь можно возмездить и по-другому) рождал и подкреплял и у руководителей села в борьбе с «родимой» некое раздвоение личности, расхожде- ние слова с делом, сколько — пьяные традиции, то «сопротивление материала», которое и подметил Ляшенко.

В этот раз я заехал в Пятницкое пос- тоетреть, что же изменилось после того партийного собрания.

Магазин под липами все-таки закрыли. Но отнюдь не потому, что замахнулись на «проклятую».

— Продавца было не найти, — объяснила председатель сельсовета Павлова. — Кушнарченко уюлилась. А больше никто не согласился. Райпотребсоюз и обязал продавцов торгового центра...

Да, водку теперь продавали в новом торговом центре, рядом с правлением колхоза. И разрешено это было делать, по словам председателя сельсовета, каждый день, с четырнадцати часов.

— Правда, в дни страды не торгуем. Райисполком не разрешает. И в остальные привозят нерегулярно. Но когда уж привезут, тогда — ералаш!.. — с мягкой улыбкой посетовала Павлова. — К магазину не подходит...

Зашел я и в торговый центр. Нужных товаров, кроме коммерческой колбасы, там не прибавилось. А на мой вопрос, что требуют покупатели, заведующая магазином Н. А. Шелковникова, судя по возрасту, вполне умудренная жизнью, ответила коротко:

— Спросите у них самих.

Я подошел к молодой женщине (оказалось, это была технический секретарь правления и жена председателя колхоза), что за соседним прилавком выбирала мужу бутинки.

— Вы за то, чтобы торговать водкой?

— Да.

— Почему?

— А вот ко мне гости, — она указала на такую же молодую женщину, что стояла рядом, — приехали. Чем я их угощу?

— Разве обязательно спиртным?

— А как без него!..

Я попытался, что называется, зайти с другой стороны:

— У вас есть дети?

— Два сына.

— Вы хотите, чтобы они стали пьяницами?

Женщина откровенно улыбнулась:

— Я родом из Краснодарского края. У меня отец всю жизнь выращивал виноград, делал из него домашнее вино. И никто в семье — ни родители, ни братья, ни я сама — не стали пьяницами... Хорошего человека не спойшь. А рюмка к столу — радость...

Вот эта слепая, почти религиозная вера, что «хорошего человека не спойшь» (а сколько их — прекрасных, талантливых и даже гениальных — «утонуло» в стакане со спиртным!) и что «рюмка к столу — радость», и есть наша «питейная традиция», воспитанная в людях, по утверждениям иных последователей, якобы еще с древности, а на самом деле — уже в наше время еще столь недавней долголетней и разнужданной торговлей спиртным, пропагандой «умеренного» и потому — безвредного питья «для настроения и аппетита». И сейчас, в пору ограничений, именно эта традиция питает спрос на спиртное в среде пьющих «по уважительным случаям», множит ряды изготовителей и потребителей самогона

и прочих спиртных суррогатов, поощряет спекуляцию водкой. Как же без нее, «родимой», встретить гостей, сыграть свадьбу, отметить радостное да и печальное событие!

Поводов не убавилось. И тут уж на любые расходы пойдешь, если традиция велит.

А что же ей противопоставляем?

В Кунье мы долго беседовали об этом с первым секретарем райкома партии Василием Николаевичем Ивановым и заместителем председателя райисполкома Анатолием Ивановичем Романенковым. Оба они хорошо понимали: отступать нельзя. Но как наступать? Четкой стратегии не было и здесь.

— Знаете, — сказал мне Анатолий Иванович. — Решения партии, майский Указ и связанные с ними ограничения продажи и потребления спиртного помогли нам спасти прежде всего руководителей хозяйств. Чего греха таить, иные из них были на грани алкогольного падения... Но мы, наверно, перестарались. Особенно с талонами. После выступлений в печати нас поправили. Из обкома дали команду: «Отменить...» Помните; некоторые журналисты выступали, мол, принудительное распределение спиртного. Хочешь — бери и не хочешь — бери. Непьющие, мол, спекулировать начали своими талонами. А я не согласен. — Голос моего собеседника зазвучал решительно. — Перепродавали. Ну и что! И купленной водкой тоже ведь спекулируют. Стоят в очередях, а то и слева достают, чтобы перепродать втридорога... Очередь — явление малоконтролируемое. Не будешь каждого спрашивать, зачем берет. А талоны были и средством контроля. С их помощью мы многое и многих выявили. Особенно — в среде пьющих «умеренно»... Алкоголики и без того на виду: человеческий облик потеряли. А эти... Как их выявишь без учета...

Не берусь утверждать, что талоны или, как иные предлагают, лимитные книжки на спиртное — некое универсальное средство контроля и ограничения питья. Но мне близка точка зрения куньинцев. Водкой и без талонов действительно спекулируют. И в очередях ради этого стоят, и «слева» достают.

В Западной Двине, на Калининщине, я подъехал к винному магазину. Зашел. Спиртного на прилавке не было. Но возле магазина табунились легковые и грузовые машины. Подкатил автофургон. Шофер вошел в магазин с парадного, а вышел из служебного входа с бутылкой водки за пазухой. Передал бутылку водителю зеленого «Москвича», и они споккойно разъехались. Следом подъехал «УАЗ» с медицинским красным крестом. Из него вышли две женщины и водитель в сером плаще, и тоже поспешили в заветную дверь.

Со мной был свидетель, и я, записав номера машин, поехал в райисполком. Председатель Евгений Викторович Иванов дал команду начальнику районного отдела милиции Петру Егоровичу Жукочу выяснить, чьи это машины, кто их во-

дители. Автофургон, оказалось, из городского торгов. Водитель В. К. Соломкин развозил товары и попутно заскочил за бутылкой «для товарища», а продавщица Е. И. Соловьева уступила ему «из похоронных запасов». «УАЗ» с медицинским знаком принадлежал санитарно-эпидемиологической станции района. Водитель Н. А. Виноградов был в служебном рейсе с сотрудниками станции.

С главным врачом СЭС М. В. Веселковым и директором торго А. Н. Кареловым мы разговаривали у заместителя председателя райисполкома Н. И. Смирнова. Веселков, молодой, энергичный, подтвердил:

— Да, у винного магазина нашим специалистам нечего было делать. Заданий я им туда не давал.

Но никак не мог взять в толк, почему он обязан контролировать работу своих медиков.

— Они же мне справки привозят с мест...

Карелов и заведующая винным магазином А. Я. Ивченкова обещали разобратся с продавщицей. На лицах же у них было другое: «Вот, приехал писатель. Навел шума из-за какой-то бутылки водки!..»

Действительно, ну поймать мы продавщицу, что торгует спиртным из-под прилавка. Оштрафуем. Обнаружим спекулянта, самогонщика. Засечем служебную машину, на которой сотрудники, призванные утверждать трезвость, приехали за вином. Накажем их. А что изменится? Водка в продаже будет. Испуг пройдет. И если не завтра, то послезавтра повторится то же самое.

Так до каких же пор?!

Правы куньинцы: уговорами и разговорами пьянство не победить. Нужны дела, решительные меры. А дел-то и решительности нам и не хватает. И прежде всего в преодолении пьяных традиций.

В самом деле, ну для чего, скажем, в магазине и на складе запасы водки «на похороны». Что, земля без возлияний по усопшему не примет покойника?

— Примет, — ответила мне в Пятницком председателем сельсовета Павлова. — Да ямку-то, могилку, без бутылки никто не выкопает. Вот беда!..

И самогонщики не все гонят зелье себе на потребу или во имя собственного кошелка. Многих, особенно на селе, где почти одни пенсионеры, понуждают «пьяные услуги».

— А как же, сынок, — сознательно не называю имени той старой женщины, что говорила мне об этом. — Усадьбу ж, огород, вспахать надо. К кому итить? К трактористу. Сенца покосить да привезти. Дровец на зиму — опять к ему, родному. А он без бутылки ж не поедет...

И об услугах через бутылку знаем. Понимаем, куда и к чему они ведут. Но вот же, и в Кунье даже первый секретарь райкома смог назвать мне лишь одно хозяйство, где услуги более или менее хорошо

налажены через колхозную кассу. Да и то в райисполкоме засомневались: «Так ли!..»

В Западной Двине представили целый отчет «О выполнении плана бытовых услуг населению на 1 сентября 1987 года». Там есть и «сельхозуслуги» — вспашка огородов, заготовка и доставка дров сельчанам. Но на фоне потребностей они составляют, говоря словами директора винограда в Вельегонске, «мизер». Да и оплата этих услуг через кассу хозяйства не освобождает от «бутылочной». Заплатив в колхоз или совхоз, заявитель все равно идет к тому же трактористу — вымогателю бутылки.

Пьянство — распушенность, преступление. И ничего более. И относиться к нему надо как к распушенности и преступлению. А к пьянице и алкоголику — как к преступнику перед семьей, обществом, государством.

Но мы добренькие. Мы не только молчаливой поддержкой, и словом оправдываем и поощряем пьяниц и тех, кто им потворствует.

Вот и заведующая магазином Ивченкова защищала продавщицу, что торгует водкой из-под полы:

— Она у нас, знаете, нервная. Недавно из санатория. Надо ли наказывать? И без того плачет.

А то, что от ее «услуг» кто-то заплачет в семье и, может быть, погибнет в пьяной аварии, — это не беда. Лишь бы продавщица не плакала.

И Валентину А. в детском саду, зная, что она пьет, прежде чем уволить, перевели из кочеваров, куда бы вы думали? В... нянечки.

— Она ласковая. Между мытьем посуды и уборкой детям книжки читала...

А вот что пишет в одной из «районков» ответственный секретарь районного совета Всесоюзного добровольного общества борьбы за трезвость Т. Семенова: «Имеются случаи, когда доставленные в медвытрезвитель работники остаются безнаказанными (на своих предприятиях. — Б. Л.) и, хуже того, нередко даже поощряются. Например, за попадание в вытрезвитель рабочему А. В. Александрову в январе 1987 года был объявлен выговор. В этом же месяце на заседании профкома за прогулы он получил еще один выговор, а в июне решением того же профкома Александрову была выделена квартира... Не заслушиваются отчеты руководителей среднего звена, а ведь многие из них не стали организаторами борьбы за трезвость. Так, мастер В. В. Батанин распивал спиртные напитки с рабочими на территории своего предприятия. По Указу они должны были уплатить штраф, но благодаря доброту администрации и профсоюзного комитета получили лишь по выговору».

Став строгими и непримиримыми сразу после Указа, мы за два с лишним года «борьбы» с пьянством вновь подобрели. И если наказываем пьяниц, то зачастую лишь символически, для формы, чтобы не обидеть. Нас вновь перестает волновать, что они, пьяницы, обворовыва-

ют, обижают и уничтожают свои семьи, и нас самих, и наше государство. Мы — добренькие. Но откуда же в нас эта доброта?

Ответ все тот же — от нашего либерального отношения к пьянству. Щадим и защищаем самих себя. Свои слабости. Свои корыстные интересы. И не верьте демагогам, которые выдумывают для оправдания торговли спиртным и питья хмельного разные причины, вроде нехватки кассового оборота. А нехватка-то откуда? Что, за половину пятилетки после Указа мы такой огромной страной не могли бы построить, скажем, еще один автозавод типа Волжского? Удовлетворить спрос покупателей на машины и мотоциклы?

Допустим, не хватило средств. А сти-

ральные машины, утюги, сковородки, кастрюли-скороварки, холодильники, швейные машинки, хорошо и модно считая одежда, обувь и прочие ходовые и очень нужные товары — их-то почему не хватает? Что, у нас промышленность хилая? Как в тридцатые годы, только начинаем ее развивать с киркой и лопатой в руках? Не можем всем нашим мощным производственным потенциалом наладить выпуск нужного «ширпотреба» — необходимых внутреннему рынку и нам самим добротных вещей?

Так неужели не победим мы в этой борьбе?

Не можем не победить. Не имеем права. Победа — жизнь. Отступление — пьяная смерть.

ТРЕЗВОСТЬ — ОРУЖИЕ ПЕРЕСТРОЙКИ

Редакция получила много откликов читателей на статью академика, лауреата Ленинской премии Ф. Г. Углова «Глядя правде в глаза» («Наш современник», № 7, 1987). Ниже публикуется один из них.

Уважаемая редакция!

Мы, члены первичной организации Всесоюзного общества борьбы за трезвость, полностью поддерживаем положение статьи Ф. Г. Углова, а также последовательную, активную позицию журнала «Наш современник» по пропаганде трезвости как ленинской нормы жизни. Обращаемся к Вам, уважаемые товарищи, с некоторыми замечаниями и предложениями по алкогольной проблеме.

ОБЩАЯ ОЦЕНКА СИТУАЦИИ

Наши повседневные наблюдения, встречи с людьми, анализ работы средств массовой информации показывают, что в настоящее время в борьбе за утверждение трезвости наступил острый, и возможно, решающий момент.

Несомненными завоеваниями периода после мая 1985 г. стали:

1) доведение не до всех, но до многих людей правды об алкогольной ситуации

в стране, об огромных экономических и людских потерях от алкогольного наркотика. Огромную роль при этом сыграли патриотические статьи, лекции, выступления Ф. Углова, П. Дудочкина, Б. Искакова, В. Жданова, Н. Загоруйко, В. Халина, Р. Армеева и других.

2) принятие Постановлений ЦК КПСС 1985—1987 гг. как идеологической платформы для отрезвления общества;

3) сокращение (в первые полтора года после майского Постановления 1985 г.) в два раза производства и продажи государственного алкоголя;

4) создание организации ВДОБТ.

В течение этого периода произошло (и все еще продолжается) расслоение внутри местных советских, партийных, профсоюзных, комсомольских, торговых организаций, органов ВДОБТ, журналистов и т. д. Одна часть людей выступает за полное искоренение алкоголя из нашей жизни, считая единственно достойным и возможным в личном плане — сухой закон для себя (патриот — не пьет!), а в масштабе страны — полное

прекращение производства и продажи спиртного, т. е. восстановление ленинского «сухого закона» в ближайшие годы.

Другая часть пассивна, выжидает или занята так называемой борьбой с пьянством, бесперспективность которой ясно показал весь опыт предыдущих десятилетий. Позиция многих из этих людей такова: мы за трезвость, но с алкоголем.

Органы массовой информации в основном заняты именно «борьбой с пьянством». А такие политически важные передачи Центрального телевидения, как «Общественное мнение» от 9 июня, «Чаепитие в ЦДЛ» от 1 июня 1987 г., являющиеся чрезвычайной редкостью, а не правилом. Рубрика «Трезвость — норма жизни» вообще исчезла с некоторого времени из программ ЦТ. Центральные органы печати, за исключением журнала «Наш современник», не перешли на стабильную пропаганду трезвости как ленинской нормы жизни. Другими словами, подлинной перестройки средств массовой информации по алкогольной проблеме не произошло, ибо перестройка здесь — пропаганда трезвости, а не «борьба с пьянством».

Более того, в последние месяцы в центральных органах печати появился ряд публикаций, где общественному мнению пытаются внушить: принятые меры мало что дали; усилилось самогонварение; народ не поддерживает трезвость и недоволен; во ВДОБТЕ полно пьющих и лицемеров. Вот яркий пример подобных откровений из статьи кандидатов философских наук В. Ольшанского, Г. Батыгина «Пьяное подполье» в «Неделе» (№ 19, 1987 г.): «Никто с полной ответственностью не возьмется провести ту незримую черту, которая отделяет нормальную культуру винопития (а такая культура есть, и она нужна, как бы печать ни ругала «культурищейков») от «балдения» и откровенного пьянства... Каждый из нас, наверное, знает добрых, честных людей, но... пьющих. Мы знаем и убежденных трезвенников — негодяев. Поэтому не будем ругать пьющих и восхвалять непьющих. Проблема не в этом...

К сожалению, социологическая и психологическая наука до сих пор уделяла очень мало внимания изучению тех реальных жизненных ценностей, которые — в силу какой-то злой, биохимической «иронии» — являют себя в алкогольной эйфории.

...В пьянстве обнаруживает себя непрерывный процесс формирования личности, процесс самовоспитания»(1).

А вот образец юмора кинорежиссера Э. Рязанова с 16-й страницы «Литературной газеты» (№ 43, 1986 г.): «...Алкоголя ни гугу... Вам и самому все ясно: эти радости — врагу! ...и зачем такая жизнь?!». На наш взгляд, это не что иное, как саботаж Постановления ЦК КПСС от 7 мая 1987 г., где ясно говорится о недопустимости пропаганды «культурного пиятия».

Пространным изложением «мнения»

невольных, рассуждениям об усилении самогонварения представлено немало места в печати. Например, в обзоре писем В. Надеина «Хотя от пьянства отрезаются все», опубликованном в «Известиях» (№ 276, 1987 г.). Участились ничем не подкрепленные высказывания о том, что сокращение государственного алкоголя якобы компенсируется увеличением самогонварения. Этот миф опровергается хотя бы тем, что все социальные и медицинские последствия алкоголизации пропорциональны алкоголю на душу населения; между тем травматизм, преступность и смертность на почве пьянства в последнее время существенно сократились. Другим пугалом в печати стала неалкогольная наркомания. Подобные публикации, с одной стороны, обходят молчанием достигнутые сдвиги, а с другой — запугивают общественное мнение проявившимися на фоне отрезвления явлениями. В некоторых регионах увеличилась продажа спиртного. Дошло до того, что газеты сообщают об открытии пивных кооперативов!

Эти и другие явления указывают на то, что в борьбе с противниками партийной линии на отрезвление общества сторонники линии трезвости отстают, что идет наступление тех, кто в разных упаковках, конечно, в виде «заботы» об общем благе, явно и неявно протаскивает мысль: «Верните алкоголь, иначе станет совсем худо! Народ не может жить без алкоголя!»

Чтобы не сдать завоеванные позиции, перед лицом этого натиска необходима не оборона, а наступление. Именно наступательный порыв 1985 г. привел к продвижению вперед по пути отрезвления.

Сейчас настал момент, когда надо выбирать — «или — или». Как справедливо считает Ф. Г. Углов, следует или признать алкоголь пищевым продуктом, и тогда снять все ограничения на его потребление, или признать в юридическом порядке, что это — наркотик, как написано в нашем советском ГОСТе 18300-72, в научных трудах и в решениях 28-й ассамблеи ВОЗ. И тогда распространить на алкоголь все законы по защите населения от наркомании, прекратить производство и продажу алкогольных изделий.

Нельзя бороться с пьянством или с алкоголем и их идейными и торговыми носителями наполювину или на девяносто процентов. Нельзя устойчиво на пятьдесят или на девяносто процентов отрезать общество. Если мы оставим пятьдесят или десять процентов, то этот остаток послужит отличной маскировкой для самогонварения и завкаской для новой вспышки алкогольной эпидемии. Только полное прекращение производства и продажи спиртного решит проблему и выветит всех самогонщиков.

Работа по схеме «Поставим корыто с алкогольным пойлом, а затем будем отгравать от корыта с помощью ВДОБТ, милиции, медицины и т. д.» обречена

на провал. Надо убрать корыто. Иными словами, необходимо последовательное воплощение в жизнь ленинской антиалкогольной политики.

НАШИ ОБЩИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ПРЕТВОРЕНИЮ В ЖИЗНЬ ЛЕНИНСКОЙ АНТИАЛКОГОЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

ЗАМЕЧАНИЯ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО РАБОТЕ ВДОБТ

В этих условиях следует резко активизировать работу ВДОБТ и прежде всего его центральных органов. Считаем, что деятельность руководящих органов ВДОБТ начиная, по крайней мере, от областных центров до Центрального совета больше похожа на бездействие, чем на борьбу. В свое время при организации ВДОБТ в его центральные органы не вошли или почти не вошли подлинные энтузиасты трезвости. Журнал «Трезвость и культура», с одной стороны, малооперативен по сравнению с газетой, как и всякий журнал. С другой стороны, лишь небольшая часть (5—10 процентов) его публикаций относится к пропаганде трезвости; основная масса его статей — развлекательного (вплоть до кроссвордов) и бытоописательного характера. Считаем, что журнал не стал организатором наступательной пропаганды трезвости.

Исходя из этой оценки ситуации и сознавая, что грозная опасность алкоголизации по-прежнему нависает над страной, предлагаем:

1. Председателем Центрального совета ВДОБТ избрать академика АМН СССР, лауреата Ленинской премии СССР Федора Григорьевича Углова, как человека, внесшего огромный вклад в дело утверждения трезвости и имеющего большой общественный авторитет и уважение.

2. Обязательно ввести в состав Центрального совета людей, занимающих активную наступательную трезвенническую позицию, таких, как лектор Центрального совета ВДОБТ кандидат физико-математических наук В. Г. Жданов и профессор Н. Г. Загоруйко, доктор экономических наук Б. И. Искаков, журналисты Р. Армеев, А. Могилат, писатели П. Дудочкина, С. Гагарина, режиссера Н. Бурляева, а также ответственных работников ЦК КПСС, министерств и ведомств, занимающих наступательную трезвенническую позицию.

3. Перестроить работу журнала «Трезвость и культура» с преимущественно развлекательного плана на действенную пропаганду полного прекращения производства и продажи алкоголя.

4. Для оперативной работы создать газету ВДОБТ «Трезвость — наше оружие», хотя бы еженедельную.

5. По всей стране провести переборы районных, областных, краевых, республиканских советов ВДОБТ по схеме: первичные организации ВДОБТ выбирают делегатов на районные конференции, где избираются районный совет и делегаты на областную конференцию, и т. д.

1. Перестроить работу средств массовой информации, развернув наступательную пропаганду ленинского «сухого закона».

2. Регулярно печатать сводки о сокращении производства и продажи алкоголя по районам, областям, краям, республикам (как вести с фронта).

3. Издать массовым тиражом, опубликовать в центральных газетах и журналах лекции и статьи Ф. Г. Углова, Б. И. Искакова, В. Г. Жданова, П. П. Дудочкина, Н. Г. Загоруйко и других. Переиздать антиалкогольные произведения Л. Н. Толстого, Дж. Лондона.

4. Восстановить на Центральном телевидении рубрику «Трезвость — норма жизни» или «Трезвость — наше оружие».

5. Рубрику в печати «Пьянство из жизни — вон!» заменить на рубрику «Алкоголь из жизни — вон!».

6. Развернуть среди членов КПСС, ВЛКСМ, руководителей, учителей, врачей, юристов, работников МВД, работников творческих союзов, работников средств массовой информации массовое движение «сухой закон для себя». Если руководители и коммунисты примут сухой закон для себя, алкогольная проблема в стране будет решена.

7. Повсеместно распространить опыт г. Томска, Ульяновской области, Горно-Бадахшанской автономной области по деалкоголизации торговли.

8. Обнародовать четкую программу прекращения производства и продажи спиртного по республикам, краям, областям, районам.

9. К 70-летию ленинского Постановления от 19 декабря 1919 г., то есть к 19 декабря 1989 г., Верховному Совету РСФСР восстановить ленинское Постановление в полном объеме.

Перестройка неосуществима без победы трезвости, без восстановления в стране ленинского «сухого закона». Ей нужны трезвые, а не одурманенные наркотиком мозги.

Как показывают опросы и анкетирование в учреждениях и жилых домах нашего района, большинство советских людей поддерживает закрытие винных магазинов. Дальнейшее топтание на месте лишь дискредитирует начатую борьбу.

Желаем Вам, уважаемые товарищи, дальнейшей плодотворной работы на благо Родины.

С глубоким уважением и с верой в конечное торжество ленинских идей трезвости — члены первичной организации ВДОБТ ВЦ и ГПВЦ СО АН СССР Советского района г. Новосибирска.

Данное письмо принято на собрании первичной организации ВДОБТ ВЦ и ГПВЦ СО АН СССР 20 сентября 1987 г.
Председатель собрания

А. В. КОВАЛЕНИН.

■ А. В. КОВАЛЕНИН. ТРЕЗВОСТЬ — ОРУЖИЕ ПЕРЕСТРОЙКИ